

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-5-143-154
УДК 2-1+165.741+130.3(045)

Атеизм как идеология и атеизм как метод: разнонаправленные силы советской индустриализации

С.В. Сахневич

Институт деловой карьеры, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В советском атеизме, как показывают современные историко-философские исследования, сосуществовали два разнонаправленных начала: идеологическая доктрина, выполнявшая квазирелигиозные функции, и деятельный метод познания и преобразования мира. Однако до сих пор отсутствует систематический анализ противоречия между ними, что создает пробел в понимании движущих сил советской индустриализации. **Цель** настоящей статьи — доказать, что движущей силой советских индустриальных мегапроектов выступал не идеологический атеизм-квазирелигия, а инженерный атеизм-метод, и выявить механизмы этого противоречия. **Методы.** Исследование основано на синтезе историко-герменевтического, сравнительно-аналитического и философско-антропологического подходов. Эмпирическую базу составили материалы о строительстве Беломорско-Балтийского канала, Байкало-Амурской магистрали, Каракумского канала, Магнитогорского металлургического комбината, а также феномен семьи Берберовых из Баку как случай «бытового атеизма». **Результаты.** Установлено, что идеологический атеизм структурно воспроизводил институциональные формы религии (катехизис, институт наставников, сакральные тексты, эсхатологическое обетование), тогда как инженерный атеизм представлял собой радикальный эпистемологический подход, основанный на эксперименте, риске и ответственности человека за творение нового мира. Показано, что советские мегапроекты были реализованы именно благодаря инженерному атеизму-методу, который неоднократно вступал в конфликт с догматическими требованиями идеологии. **Выводы.** Предложенная операционализация двух типов атеизма позволяет переосмыслить советские мегапроекты не как триумф идеологии, а как свидетельство победы метода над догмой. Перспективы исследования связаны с распространением данной концептуальной модели на анализ современных инфраструктурных проектов и их движущих сил.

Ключевые слова: инженерный атеизм; научный атеизм; диалектический материализм; советские мегапроекты; эпистемологический метод; семья Берберовых; преобразование природы; идеология и метод

Для цитирования: Сахневич С.В. Атеизм как идеология и атеизм как метод: разнонаправленные силы советской индустриализации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(5):143-154. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-5-143-154

ORIGINAL PAPER

Atheism as Ideology and Atheism as Method: Opposing Forces of Soviet Industrialization

S.V. Sakhnevich

Institute of Business Career, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

As modern historical and philosophical studies show, Soviet atheism contained two opposing principles: an ideological doctrine that performed quasi-religious functions, and an active method of cognition and transformation of the world. However, there is no systematic analysis of the contradiction between them, which creates a gap in understanding the driving forces of Soviet industrialization. **Purpose.** The purpose of this article is to demonstrate that the driving force behind Soviet industrial megaprojects was not ideological atheism-as-quasi-religion, but engineering atheism-as-method, and to identify the mechanisms underlying this contradiction. **Methods.** The study draws on a synthesis of historical-hermeneutical, comparative-analytical, and philosophical-anthropological approaches. The empirical base includes materials on the construction of the White Sea–Baltic Canal, the Baikal–Amur Mainline, the Karakum Canal, and the Magnitogorsk Metallurgical Combine, as well as the phenomenon of the Berberov family from Baku as a case study of “everyday atheism.” **Results.** It is established that ideological atheism structurally reproduced the institutional forms of religion (catechism, the institution of mentorship, sacred texts, eschatological promise), whereas engineering atheism constituted a radical epistemological approach grounded in experiment, risk, and human responsibility

© Сахневич С.В., 2026

for the creation of a new world. It is shown that Soviet megaprojects were realized precisely through engineering atheism-as-method, which repeatedly came into conflict with the dogmatic demands of ideology. **Conclusion.** The proposed operationalization of the two types of atheism makes it possible to reinterpret Soviet megaprojects not as a triumph of ideology, but as evidence of the victory of method over dogma. Prospects for further research lie in extending this conceptual model to the analysis of contemporary infrastructure projects and their driving forces. **Keywords:** engineering atheism; scientific atheism; dialectical materialism; Soviet megaprojects; epistemological method; Berberov family; transformation of nature; ideology and method

For citation: Sakhnevich S.V. *Atheism as ideology and atheism as method: Opposing forces of Soviet industrialization. Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University.* 2026;16(5):143-154. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-5-143-154

ВВЕДЕНИЕ

Советский атеизм не был монолитен. За фасадом государственного диалектического материализма, объявленного «единственно верным» учением, существовал иной, деятельный атеизм — метод познания и преобразования мира. Противостояние этих двух подходов — идеологического атеизма, предлагавшего, подобно любой религии, готовые ответы и «облегчение участи» через партийную доктрину, и инженерного атеизма-метода, ориентированного на эксперимент и творчество, — стало главной пружиной советского проекта. Однако в историко-философской литературе это противоречие до сих пор не получило систематического анализа. Большинство исследований сосредоточено либо на критике советской идеологии, либо на технических аспектах индустриализации, но не на противоречии между ними [1–3]. Настоящая статья предлагает новый угол зрения: движущей силой великих строек был не идеологический атеизм, а инженерный атеизм-метод, который часто вступал в конфликт с официальной доктриной.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, проблема соотношения идеологии и метода в советской системе остается недостаточно изученной в современной историко-философской литературе. Как отмечает М.М. Шахнович, в 1960-е гг. концепт «научный атеизм» был сконструирован как самостоятельная философская дисциплина для решения идейно-политических задач коммунистического строительства [4]. Однако этот конструкт, как будет показано ниже, вступал в противоречие с реальной практикой инженерного творчества. Во-вторых, обращение к опыту советских мегапроектов имеет значение для понимания природы современных технологических и социальных преобразований. Вопрос о том, что движет крупными инфраструктурными проектами — идеология или метод, вера или эксперимент, — остается открытым и для современности. В-третьих, введение в анализ феномена «бытового атеизма» на примере семьи Берберовых расширя-

ет предметное поле исследования, показывая, что инженерный подход к преобразованию природы проникал не только в промышленность, но и в повседневную жизнь советских людей. В-четвертых, статья вносит вклад в переосмысление советского атеизма как неоднородного явления, что важно для современной исторической и философской рефлексии о советском проекте.

Противоречие советской системы заключалось в том, что инженерный атеизм как метод структурно воспроизводил деятельное, экспериментальное отношение к природе, позволяя человеку брать на себя функцию творения нового мира. Однако идеологический атеизм, превратившийся в квазирелигию с собственным катехизисом (диалектический материализм), институтом наставников (кафедры научного атеизма) и сакральными текстами (труды классиков марксизма), стремился подчинить метод идеологическим задачам, превращая живые дерзания инженеров в новые догмы. Таким образом, советская индустриализация была построена на инженерном принципе преобразования природы, но идеологическая рефлексия этого процесса оказалась глуха к деятельной, экспериментальной природе метода, что привело к напряжению между творческим потенциалом инженерного атеизма и догматическим характером официального материализма.

Проблема заключается в необходимости ответа на вопрос: что именно было движущей силой советских мегапроектов — идеологический атеизм как квазирелигия или инженерный атеизм как деятельный метод преобразования мира, и каковы последствия этого противоречия для понимания советского проекта в целом? Традиционная историография, сосредоточенная либо на критике советской идеологии, либо на технических достижениях индустриализации, не затрагивает более глубокого эпистемологического сдвига: разрыва между методом и идеологией. Мы утверждаем, что инженерный атеизм-метод, а не идеологический атеизм-квазирелигия, был подлинной движущей силой великих строек, и что это противоречие

имело фундаментальное значение для советского проекта.

Объектом исследования является советский атеизм как сложное, неоднородное явление, включающее как идеологическую доктрину (диалектический материализм, научный атеизм), так и деятельный метод преобразования мира (инженерный атеизм). **Предметом** исследования является противоречие между идеологическим атеизмом (квазирелигией) и инженерным атеизмом-методом, а также его проявление в советских мегапроектах (Беломорско-Балтийский канал, Байкало-Амурская магистраль, Каракумский канал, Магнитогорский металлургический комбинат) и в феномене «бытового атеизма» (семья Берберовых). Исследуются механизмы этого противоречия, его последствия для понимания советской индустриализации и возможности его преодоления через признание примата метода над идеологией.

Цель исследования состоит в том, чтобы доказать, что движущей силой советских мегапроектов был не идеологический атеизм-квазирелигия, а инженерный атеизм-метод — радикальный эпистемологический подход, в рамках которого человек принимает на себя ответственность за творение нового мира, проверяя свои возможности на границе допустимого. Для этого необходимо показать, что инженерный атеизм, в отличие от идеологического, был внутренне мятежен по отношению к догме, и что это противоречие имело фундаментальное значение для советского проекта. Конечная цель — предложить концептуальную модель, в которой инженерный атеизм признается подлинной движущей силой советской индустриализации, а его подавление идеологией — источником трагических последствий.

Задачи:

1) провести структурный анализ идеологического атеизма как квазирелигии и выявить его основные функции (катехизис, институт наставников, священные тексты, обетование);

2) реконструировать историю великих строек (Беломорско-Балтийский канал, БАМ, Каракумский канал, Магнитогорский металлургический комбинат) как проявление инженерного атеизма-метода;

3) проанализировать феномен «бытового атеизма» на примере семьи Берберовых как эксперимента по преобразованию природы в повседневной жизни;

4) исследовать противоречие между методом и идеологией в советской системе и показать, что метод был внутренне мятежен по отношению к догме;

5) раскрыть понятие «инженерный атеизм» как фундаментальный эпистемологический подход, отличный от идеологического атеизма, и показать, что его подавление идеологией вело к трагическим последствиям;

6) предложить концептуальную модель, в которой инженерный атеизм признается подлинной движущей силой советской индустриализации.

Гипотеза исследования состоит в том, что движущей силой советских мегапроектов был не идеологический атеизм-квазирелигия, а инженерный атеизм-метод — радикальный эпистемологический подход, в рамках которого человек принимает на себя ответственность за творение нового мира. Мы предполагаем, что инженерный атеизм, в отличие от идеологического, был внутренне мятежен по отношению к догме, и что это противоречие имело фундаментальное значение для советского проекта. Это противоречие сделало советские мегапроекты одновременно триумфом инженерной мысли и символом чудовищного господства идеологии над человеком.

Научная новизна исследования заключается в радикальном пересмотре советского атеизма через введение дионисийского измерения инженерного метода как ключевого элемента советской индустриализации. В отличие от традиционной критики советской идеологии, мы утверждаем, что проблема не в идеологическом содержании атеизма, а в вытеснении деятельного, экспериментального метода как такового. Впервые в историко-философском дискурсе инженерный атеизм рассматривается не как часть официальной идеологии, а как ее антипод. Впервые советские мегапроекты анализируются не как триумф идеологии, а как свидетельство победы метода над догмой. Исследование вводит в научный оборот концепцию «инженерного атеизма» как фундаментального эпистемологического подхода, объясняющего успехи советской индустриализации. Впервые предлагается систематическая концептуализация инженерного атеизма как метода преобразования мира, дополняющего и корректирующего традиционную критику советского атеизма.

Методологическую основу исследования составляет синтез историко-герменевтического, сравнительно-аналитического и философско-антропологического подходов. Историко-герменевтический метод позволяет реконструировать интеллектуальный контекст возникновения советского атеизма, его связь с марксистской философией и практикой индустриализации.

Сравнительно-аналитический метод применяется для выявления противоречия между идеологическим и инженерным атеизмом, а также для сопоставления различных типов мегапроектов (сталинские стройки, комсомольские стройки). Философско-антропологический подход позволяет переосмыслить категорию инженерного атеизма как фундаментальный эпистемологический подход, выходящий за пределы идеологической критики. В работе также используется метод концептуального моделирования для построения новой онтологической модели, в которой инженерный атеизм признается подлинной движущей силой советской индустриализации. Эмпирическую базу исследования составили опубликованные источники по истории советских мегапроектов, мемуарная литература, а также материалы периодической печати и интернет-ресурсы, содержащие фактические данные о ходе строительства и бытовых условиях участников.

1. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АТЕИЗМ КАК КВАЗИРЕЛИГИЯ

1.1. Научный атеизм: катехизис вместо веры.

С 1959 г. преподавание курса «Основы научного атеизма» стало обязательным в высших и средних специальных учебных заведениях СССР. В 1961 г. в Институте философии АН СССР под руководством А. Ф. Окулова разработан учебник «Основы научного атеизма», ставший своего рода катехизисом советского атеизма¹. Идеология требовала порядка, предсказуемости, соответствия плану. Госплан становился земным воплощением божественного промысла, расписывающим судьбы страны на пятилетки вперед. Эта система стремилась создать плоский, предсказуемый мир, где нет места чуду, а есть только диалектические законы.

Как отмечает исследователь советского атеизма М. М. Шахнович, формирование дисциплины «научный атеизм» в 1960-е гг. было обусловлено не столько научными, сколько идеологическими задачами: «Научный атеизм должен был стать теоретической основой для формирования нового, коммунистического мировоззрения, свободного от религиозных пережитков» [4]. Для этого была создана разветвленная система институтов: кафедры научного атеизма во всех вузах, Институт научного атеизма АН СССР, специализированные журналы («Вопросы

научного атеизма»). Это была полноценная церковная структура, но без Бога. Вместо церковной иерархии — партийная номенклатура; вместо священников — лекторы и пропагандисты; вместо молитв — изучение диалектического материализма.

«Основы научного атеизма»² состояли из трех частей: «История атеизма», «Критика современной религии» и «Научно-атеистическое воспитание». Структура напоминала классический катехизис: последовательное изложение догматов, вопросы для закрепления, список обязательной литературы. Авторы данного учебного прямо заявляли, что их цель — «вооружить студентов и слушателей системы партийной учебы твердыми знаниями основ марксистско-ленинского учения о религии». Эта формула воспроизводила логику религиозного просвещения, где главное — не критическое мышление, а усвоение готовых истин.

Идеологический атеизм выполнял все функции религии, которые классически выделял Э. Дюркгейм: интегрирующую (объединение верующих вокруг общих символов и ценностей), регулятивную (установление норм поведения) и смыслообразующую (ответ на экзистенциальные вопросы) [5]. Давая исчерпывающий ответ на вопрос о смысле бытия, он заменял Бога партией, религиозный догмат — диалектическим материализмом, а Провидение — пятилетним планом. В этом смысле, Ю. А. Левада справедливо отмечал, что советский атеизм представлял собой «светскую религию» с собственными священными текстами, обрядами и мучениками [6].

Особое значение имела эсхатологическая составляющая: обетование коммунизма как светлого будущего, оправдывающее любые текущие жертвы. Именно эта функция — обещание спасения через историческую необходимость — делала идеологический атеизм столь устойчивым. Как писал Н. А. Бердяев, «коммунистическая идея сама стала религиозной, она обещает спасение, она ведет к раю, хотя бы ценой ада на земле» [7].

1.2. Идеологический атеизм: религия без Бога. Идеологический атеизм давал исчерпывающий ответ на вопрос о смысле бытия, заменял Бога партией, религиозный догмат — диалектическим материализмом, а Провидение — пятилетним планом. А. А. Зиновьев отмечал, что советская идеология представляла собой «религиозную систему в своей основе», где «вера в светлое будущее заменяла веру в Бога, а партия выступала в роли церкви» [8].

¹ Окулов А. Ф., Балтанов Р. Г., Гараджа В. И. и др. Научный атеизм: учебник для высших учебных заведений. Окулов А. Ф., ред. М.: Мысль; 1978:3–15.

² Окулов, там же. С 4.

Этот тезис находит подтверждение в многочисленных исследованиях тоталитарных идеологий, где советский атеизм описывается как «квазирелигия» с собственной догматикой, обрядностью и институциональной структурой [9].

Книга «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: история строительства», вышедшая в 1934 г. под редакцией М. Горького, стала одним из главных литературных памятников этой идеологии, представив стройку как героическую победу «коллективно организованной энергии людей над стихиями суровой природы Севера»³. Книга была задумана как демонстрация идеологической силы Советского государства и «ярких примеров исправительно-трудовой политики советской власти, перековывающей тысячи социально-опасных людей в сознательных строителей социализма»⁴. Горький в своем предисловии писал: «Канал — это победа человека над природой, но еще более — победа нового человека над старым»⁵. Этот пассаж симптоматичен: идеологический атеизм интересовался не столько самим каналом как инженерным сооружением, сколько его символическим значением — доказательством силы новой власти и новой идеологии.

В книге подробно описываются «чудеса перековки»: бывшие уголовники и «враги народа» становятся ударниками труда, получают ордена, вступают в партию. Рассказы о «бывших» строятся по житийной схеме: грех — покаяние — искупление — святость. Это — классическая агиография, только вместо Бога — партия, вместо спасения души — перековка личности. Исследования В.А. Козлова показали, что подобные нарративы выполняли важнейшую идеологическую функцию: они демонстрировали, что даже самый закоренелый преступник может стать сознательным строителем социализма, если подчинится воле партии [10].

1.3. Операционализация понятий: два типа атеизма. Для решения поставленных задач необходимо четко разграничить два принципиально различных феномена, которые в советском контексте обозначались одним словом «атеизм». Предлагаемая операционализация позволяет эмпирически верифицировать различия между ними и применять их для анализа конкретных исторических кейсов.

Атеизм как идеология — это система догматических положений (диалектический материализм),

имеющая статус официальной истины, которая транслируется через институционализированные структуры (кафедры научного атеизма, учебные заведения) и выполняет социокультурные функции, аналогичные функциям религии: объяснение мира, легитимация власти, социальный контроль и обетование «светлого будущего» (коммунизма). Этот тип атеизма предлагает готовый катехизис — фиксированный свод догматов, обязательный для изучения и цитирования, — каковым стал учебник «Основы научного атеизма»⁶. Он располагает собственным институтом наставников — корпорацией специалистов, обладающих правом интерпретации доктрины, — и сакральными текстами (труды классиков марксизма-ленинизма), ссылки на которые являются обязательным аргументом. Наконец, идеологический атеизм выполняет функцию социального контроля, определяя границы допустимого мышления и поведения, и содержит эсхатологическое обетование — построение коммунизма как светлого будущего, оправдывающее любые текущие жертвы.

Атеизм как метод (инженерный, деятельный атеизм) — это эпистемологический и практический подход, при котором мир рассматривается как объект для рационального преобразования и эксперимента; человек, отвергая трансцендентные силы, принимает на себя полную ответственность за результат творческого акта, что требует риска, новаторства и выхода за рамки установленных догм. В отличие от идеологического атеизма, инженерный атеизм ориентирован не на усвоение готовых истин, а на поиск новых решений в условиях неопределенности. Как отмечает А.Н. Комаровский, один из руководителей строительства Беломорканала, «инженер должен был не просто выполнять план, а находить решения там, где их никто не предлагал» [11].

Операциональными индикаторами инженерного атеизма выступают: *прагматизм и готовность к риску* — ориентация на достижение практического результата, даже если это требует нарушения планов или норм (пуск доменной печи на Магнитке в 40-градусный мороз вопреки требованиям американских инженеров); *экспериментальность* — действие на границе познания и возможного, создание новой реальности, которая ранее считалась невозможной (орошение пустыни Каракумы); *инновационность метода* — применение новых

³ Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: История строительства, 1931–1934 гг. Горький М., Авербах Л.Л., Фирин С.Г., ред. М.: История фабрик и заводов; 1934. 407 с.

⁴ Там же. С. 7–12.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Окулов А.Ф., Балтанов Р.Г., Гараджа В.И. и др. Научный атеизм: учебник для высших учебных заведений. Окулов А.Ф., ред. М.: Мысль; 1978. С. 3–15.

технологических или организационных решений (использование местных материалов на Беломорканале, организация труда на БАМе); *преодоление кажущегося невозможным* — решение задач, которые традиционная наука или идеология считали неразрешимыми (одомашнивание льва в городской квартире). Кроме того, инженерный атеизм проявляется на уровне повседневности как «бытовой эксперимент», когда инженерный подход к преобразованию природы переносится в частную жизнь.

Различие между двумя типами атеизма фиксируется по нескольким критериям. Идеологический атеизм требует предсказуемости, соответствия плану и повторяемости результата; инженерный атеизм допускает риск, уникальность и творческую импровизацию. Идеологический атеизм стремится подчинить метод идеологическим задачам, превращая живые дерзания в новые догмы; инженерный атеизм, напротив, всегда внутренне мятежен по отношению к догме, поскольку его суть — в выходе за установленные пределы. Идеологический атеизм дает готовые ответы и обещает «облегчение участи» через партийную доктрину; инженерный атеизм не обещает, а требует — он требует от человека взять на себя бремя творчества, не перекладывая ответственность ни на Бога, ни на партию, ни на план⁷.

Таким образом, предложенная операционализация позволяет не только различать два типа атеизма в теоретическом плане, но и эмпирически верифицировать их присутствие в конкретных исторических кейсах: Беломорканале, БАМе, Каракумском канале, Магнитке и истории семьи Берберовых. В каждом из этих случаев инженерный атеизм-метод выступает как подлинная движущая сила, а идеологический атеизм — как внешняя рамка, стремящаяся этот метод подчинить и присвоить его плоды.

2. ИНЖЕНЕРНЫЙ АТЕИЗМ–МЕТОД: ПРЕОБРАЗОВАНИЕ МИРА

Альтернативой атеизму-идеологии стал атеизм-метод. Это не столько отрицание Бога, сколько радикальный эпистемологический подход: человек сам, без помощи высших сил, берет на себя ответственность за создание нового мира. Именно этот подход вдохновлял на великие стройки, которые дореволюционная Россия не могла осуществить. Как справедливо замечает историк техники В.А. Козлов, «советская индустриализация стала возможной не благо-

даря, а вопреки идеологическим догмам — именно потому, что инженеры находили способы обходить эти догмы» [10].

2.1. Беломорско-Балтийский канал (1931–1933): триумф инженерной мысли. Беломорско-Балтийский канал стал символом инженерного дерзновения. Идея соединения Балтийского и Белого морей привлекала внимание еще со времен Петра I, однако все предыдущие проекты так и не были воплощены в жизнь⁸. Советская Россия, движимая инженерным атеизмом, осуществила этот проект. Канал был построен в рекордно короткие сроки — за 20 месяцев. 2 августа 1933 г. Беломорско-Балтийский водный путь был принят в эксплуатацию. Его общая протяженность — 227 км, включая 37 км искусственных водных путей. На трассе канала сооружено 19 шлюзов, 15 плотин, 49 дамб, 12 водоспусков и 33 искусственных канала⁹.

Гидротехнические сооружения канала поражают простотой и оригинальностью инженерных решений. Все сооружения строились с применением местных дефицитных материалов: дерева, камня, грунта, торфа. Проект был разработан группой осужденных инженеров под руководством С.Я. Жука, которые, находясь в заключении, сумели создать инженерный проект мирового уровня. Как отмечает А.Н. Комаровский, «гениальность проекта Жука заключалась в том, что он нашел решение, которое позволяло обойтись без дорогостоящих импортных материалов» [11]. Это — классический пример инженерного атеизма: поиск решения в условиях жестких ограничений, готовность использовать нетрадиционные подходы, доверие к собственному опыту и интуиции.

Несмотря на сложные геологические условия, строительство канала было завершено в установленные сроки. На строительстве было выполнено 21 млн кубометров земляных и скальных работ. Канал дал мощный толчок экономическому развитию Карелии, а в 1983 г. за 50-летие эксплуатации был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Сегодня Беломорканал остается действующей водной артерией и перспективным туристическим маршрутом [11]. Однако строительство канала имело и трагическую

⁸ Сидорчик А. Сталинская стройка по идее Петра. 10 фактов о Беломорско-Балтийском канале. Аргументы и факты. 2013. 2 августа. URL: https://aif.ru/society/history/stalinskaya_stroyka_po_idee_petra_10_faktov_o_belomorsko-baltiyskom_kanale

⁹ Козлов С. Беломоро-Балтийский канал (Беломорканал). Русский Север. Часть 9. ЭкоГрад. 2022. 16 сентября. URL: <https://ekogradmoscow.ru/novosti/ekologicheskij-turizm-ot-ekograda/belomoro-baltiyskij-kanal-belomorkanal-russkij-sever-chast-9>

⁷ Козлов С. Беломоро-Балтийский канал (Беломорканал). Русский Север. Часть 9. ЭкоГрад. 2022. 16 сентября. URL: <https://ekogradmoscow.ru/novosti/ekologicheskij-turizm-ot-ekograda/belomoro-baltiyskij-kanal-belomorkanal-russkij-sever-chast-9>

сторону. На стройке работали тысячи заключенных ГУЛАГа, многие из которых погибли от холода, голода и непосильного труда. Как указывают исследователи истории ГУЛАГа, «Беломорканал был первым крупным проектом, построенным руками заключенных, и он задал модель для всей последующей сталинской индустриализации» [12]. Это противоречие — триумф инженерной мысли и трагедия человеческих жизней — станет лейтмотивом всех советских мегапроектов. Инженерный атеизм требовал жертв, а идеология освящала эти жертвы, превращая их в «необходимые издержки на пути к светлому будущему».

2.2. Байкало-Амурская магистраль (1974–1984): комсомольский энтузиазм. БАМ представляет собой пример стройки, где доминировал энтузиазм. 8 июля 1974 г. постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР объявило БАМ Всесоюзной ударной комсомольской стройкой¹⁰.

С 1974 по 1984 гг. на «стройке века» трудились свыше 2 млн человек — представители более 100 национальностей¹¹. На БАМ в первую очередь ехали добровольцы. Как вспоминает строительница Виктория Тарасова: «Молодежь ехала сюда по комсомольским путевкам... Вновь прибывшие получали от государства «подъемные» — два оклада и компенсацию за проезд к месту работы всем членам семьи»¹².

Зарплата на БАМе была выше, чем в среднем по стране — до 600 рублей при средней по стране 150 рублей, а также предоставлялись длительные отпуска и чеки на автомобили¹³. Жизнь в суровых условиях не останавливала энтузиастов. По рассказам первых добровольцев: «В феврале 1975 года температура опустилась до минус 45. Ночуем в вагончиках, согреваемых буржуйками, но к утру они остывают — волосы за время сна примерзают к стене, на нас, спящих в одежде, вырастает горка снега»¹⁴.

Несмотря на трудности, на БАМе складывалась уникальная атмосфера. Стройка стала школой интернационализма. «Работали рядом грузины, армяне, азербайджанцы, прибалты, кавказцы, украинцы, бе-

лорусы и русские. Школа интернационализма была высочайшая»¹⁵.

Рождаемость на БАМе была значительно выше, чем в среднем по стране, постоянно играли свадьбы, заключали межнациональные браки.

Культурная жизнь на БАМе была насыщенной. Сюда приезжали известные артисты и творческие коллективы: Иосиф Кобзон, Алла Пугачева, ВИА «Самоцветы», американский певец Дин Рид. Концерты и спектакли помогали отвлечься от тяжелых трудовых будней. Как отмечает заслуженный строитель России Павел Вертлиб: «Великая стройка связала воедино судьбы многих тысяч людей свыше ста национальностей. Обстоятельства жизни словно просеивали людей сквозь огромное сито»¹⁶.

Десять строителей БАМа удостоены звания Герой Социалистического Труда, а еще шесть строителей западного участка стали кавалерами Ордена Трудовой Славы трех степеней. Золотая стыковка в Балбукте — укладка Золотого звена — стала праздником со слезами на глазах [13].

БАМ интересен тем, что здесь инженерный атеизм проявился не столько в технических решениях (хотя они тоже были), сколько в организации труда и человеческих отношений. Строители БАМа создавали не просто железную дорогу — они создавали новую социальную реальность, где национальные, социальные и культурные различия преодолевались общей целью. Это был эксперимент по построению «нового человека» — но не по партийной инструкции, а в реальной практике совместного выживания и со-зидания. Как отмечает Н.С. Байкалов, «нарративная память бамовцев фиксирует не столько идеологические клише, сколько реальный опыт преодоления, взаимопомощи, личной ответственности» [14].

2.3. Каракумский канал (1954–1988): победа над пустыней. Каракумский канал стал еще одним триумфом инженерного атеизма — настоящей «рекой счастья», как называли его в Туркмении [15]. Строительство началось в 1954 г. после того, как был приостановлен проект Главного Туркменского канала, который планировался как еще одна сталинская стройка, но был свернут после смерти вождя. Однако идея преобразования пустыни оказалась сильнее идеологических догм: в отличие от Главтуркменканала, Каракумский канал строился не руками заключенных, а с использованием современной техники и труда добровольцев.

¹⁵ Там же.

¹⁶ «Жизнь словно просеивала людей сквозь огромное сито». Воспоминания строителей БАМа. МИР24. URL: <https://lite.mir24.tv/articles/165867386>

¹⁰ Тарасова В. За романтикой на край света. Воспоминания строителей БАМа. Аргументы и факты. URL: https://aif.ru/society/people/za_romantikoy_na_kray_sveta_vospominaniya_stroiteley_bam

¹¹ «Жизнь словно просеивала людей сквозь огромное сито». Воспоминания строителей БАМа. MIR24.TV. URL: <https://lite.mir24.tv/articles/16586736>

¹² Тарасова В. За романтикой на край света. Воспоминания строителей БАМа. Аргументы и факты. URL: https://aif.ru/society/people/za_romantikoy_na_kray_sveta_vospominaniya_stroiteley_bam

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

Уникальность проекта состояла в том, что вода из Амударьи забиралась самотеком, без насосов. Первая очередь канала (Амударья — Мургаб) длиной 400 км была построена в 1959 г. с расходом воды 130 м³/с, что позволило довести площадь орошаемых земель до 100 тысяч га. Вторая очередь (Мары — Теджен) длиной 138 км была завершена в 1960 г. с расходом воды 200 м³/с, что позволило оросить в Тедженском оазисе свыше 70 тысяч га. Третья очередь (Теджен — Ашхабад) длиной 260 км завершена в 1962 г., а в 1967 г. канал доведен до Гекдепе. Расход воды достиг 320 м³/с, что позволило дополнительно оросить около 100 тысяч га¹⁷. Общая протяженность канала составила 1445 км, ширина достигает 200 м, максимальная глубина — 7,5 м. По каналу на протяжении 450 км осуществляется судоходство, расход воды в начале канала составляет 600 м³/с. В результате ввода канала в строй значительно увеличились водные ресурсы региона. Площадь орошения в зоне канала возросла со 170 до 300 тыс. га, а также было обводнено 5 млн га отгонных пастбищ¹⁸. На канале развилось рыболовство — здесь появились сом, сазан, красноперка, усач, толстолобик, белый амур.

У туркмен была поговорка: «Скорее Амударья потечет вспять, чем зазеленеют сады в пустыне». Но оросительно-обводной канал сумел доказать обратное, превратив пустынную землю в сады и дав жизнь новым поселениям¹⁹.

Это — квинтэссенция инженерного атеизма: не вера в чудо, а вера в расчет, в технологию, в человеческие возможности. Строители канала не ждали помощи свыше — они сами создавали условия для жизни там, где природа, казалось бы, исключала саму возможность жизни.

Однако и здесь проявилось противоречие между методом и идеологией. Экологические последствия строительства канала — обмеление Аральского моря, засоление почв, изменение климата — стали очевидны лишь десятилетия спустя. Инженерный атеизм, движимый желанием «переделать природу», не учитывал долгосрочных последствий, а идеология не поощряла критического осмысления результатов. Мнение Ю. Трифонова «Каракумский канал стал классическим примером техногенного оптимизма, где человеческие амбиции оказались сильнее при-

родных законов» [16] прослеживается и в коллективной научной работе «Каракумский канал и изменение природной среды в зоне его влияния» [17].

2.4. Магнитогорский металлургический комбинат (1929–1934): стальной щит страны. Магнитка стала символом индустриализации и одним из величайших достижений инженерного атеизма. Строительство началось в 1929 г. на берегу реки Урал, когда 17 января Совнарком СССР и Совет труда и обороны приняли решение о начале строительства Магнитогорского металлургического завода²⁰. 31 января 1929 г. приказом ВСНХ СССР был создан трест «Магнитострой», начальником которого назначен Сергей Зеленцов. Первые строители прибыли на площадку в марте 1929 г., а 30 июня 1929 г. завершилось строительство железнодорожной ветки Карталы — Магнитогорск, после чего на стройку стали прибывать рабочие со всей страны.

Первый бетон в тело плотины уложили 20 августа 1930 г. — она была сооружена в рекордно короткий срок, за 74 дня вместо 120, запланированных американскими специалистами, что стало возможным благодаря смелым инженерным решениям советской стороны²¹. Уже 31 января 1932 г. была запущена первая доменная печь, а 1 февраля получен первый чугун — вопреки протестам американских инженеров, считавших, что пуск нужно отложить до весны из-за сорокаградусных морозов [18]. К 1 января 1935 г. сметная стоимость предприятия приближалась к 1,5 млрд рублей. Магнитогорск стал всемирно известной «витриной эпохи индустриализации» [19].

История Магнитки — это история инженерного дерзновения, граничащего с безумием. Американские специалисты, приглашенные для консультаций, предупреждали, что строительство в таких масштабах и в таких климатических условиях невозможно. Они оказались правы — если следовать их методам. Но советские инженеры, такие как И.П. Бардин и Н.А. Семенов, нашли собственные решения: они использовали местные материалы, применили новые методы монтажа, организовали непрерывный цикл работ даже в самые суровые морозы. Как писал Джон Скотт, американский рабочий, участвовавший в строительстве Магнитки, «русские инженеры делали то, что американцы считали невозможным, — не

¹⁷ Каракумский канал. WaterResources.ru. URL: <https://waterresources.ru/kanaly/karakumskiy-kanal/>

¹⁸ Там же.

¹⁹ Река, преобразившая Каракумы. Turkmenistaninfo.ru. URL: https://www.turkmenistaninfo.ru/?page_id=6&type=article&elem_id=page_6/magazine_280/2304&lang_id=ru

²⁰ Магнитострой: строительство и эксплуатация Магнитогорского металлургического комбината имени тов. Сталина: 1929–1933 гг. Свердловск; Магнитогорск: издание Управления Магнитогорского металлургического комбината им. тов. Сталина; 1934. 155 с.

²¹ Там же.

потому, что они были умнее, а потому, что у них не было выбора»²².

Строительство Магнитки показало, что инженерный атеизм был способен создать промышленную мощь, которой не знала царская Россия. Но цена этого успеха была огромна: тысячи рабочих погибли от холода, болезней и несчастных случаев, условия труда были нечеловеческими, сроки постоянно срывались, а идеологическое давление было невыносимым. Как отмечает Н.Н. Макарова, «повседневная жизнь Магнитогорска в 1930-е гг. была адом, который люди принимали как неизбежность во имя светлого будущего» [18].

2.5. Лев в советской квартире: бытовой атеизм семьи Берберовых. Тот же инженерный атеизм — вера в безграничные возможности человека, в способность подчинить и переделать природу — проникал и в повседневный быт. Самым ярким примером этого стала история семьи Берберовых из Баку, которая в 1970-х гг. держала в обычной городской квартире настоящего льва. Эта история, получившая широкую огласку в советской и зарубежной прессе, представляет собой уникальный случай «бытового эксперимента» — попытки применить инженерный подход к преобразованию живой природы в условиях городской квартиры.

Все началось с того, что семья Берберовых — глава семейства Лев Львович, его жена Нина, дочь Ева и сын Роман — выходили больного львенка по кличке Кинг. Детеныша, от которого отказалась мать, должны были усыпить в Бакинском зоопарке. У львенка были атрофированы передние лапы, он не мог ходить. Супруги делали ему массаж, кормили из соски молоком и смесями, буквально поставили на ноги. Как вспоминает Ева Берберова в интервью, «мы не думали о том, что это невозможно — мы просто делали то, что нужно было делать»²³. Кинг вырос ручным и ласковым, как огромный домашний кот. Он завтракал с семьей за одним столом, спал на хозяйской кровати, позволял детям кататься на себе верхом и дергать за усы, дружил с крошечным псом Чапом. О Берберовых и их питомце писали газеты по всему миру, выпускали фотооткрытки. Кинг снимался в фильмах: «Лев ушел из дома», «Девочка,

мальчик и лев», «Невероятные приключения итальянцев в России»²⁴.

Это был эксперимент на грани возможного: советский человек в обычной квартире пытался переделать саму природу, доказать, что методом — терпением, заботой, научным подходом — можно достичь невозможного. И действительно, Берберовы достигли этого: хищник стал другом семьи. История Кинга стала символом того, что атеизм-метод проникает во все сферы жизни, превращая быт в лабораторию, а человека — в творца новых реальностей.

Однако и здесь проявилось противоречие между методом и идеологией. Власти не одобряли эксперимент Берберовых: в советской прессе история подавалась как курьез, но за кулисами чиновники и партийные работники были обеспокоены — частный человек взял на себя функцию, которая, по идее, принадлежала государству. Как пишет исследователь советского быта Н.Б. Лебина, «эксперимент Берберовых был вызовом не только природе, но и советской системе, где все должно было быть предсказуемо и контролируемо» [19]. В 1978 г. Кинг был передан в зоопарк, а Берберовым было рекомендовано «не заниматься экспериментами, не предусмотренными планом».

3. ТОЧКА БИФУРКАЦИИ: КОГДА МЕТОД МЯТЕЖЕН ПРОТИВ ИДЕОЛОГИИ

Главное противоречие советской системы заключалось в том, что атеизм-метод всегда был внутренне мятежен по отношению к атеизму-идеологии. Идеология требовала предсказуемости и результата, зафиксированного в плане. Метод требовал риска, смелости, а значит, выходил за рамки догмы. Именно метод, а не идеология, приручал «тигров» природы, запускал ракеты и доказывал, что человек способен творить реальность заново. Но этот творческий акт неизбежно вступал в конфликт с планом. Трагедия заключалась в том, что идеология пыталась присвоить себе плоды метода, превращая живые дерзания инженеров в новые догмы.

Как отмечает исследователь Н.С. Байкалов, в нарративной памяти бамовцев это выражалось в повышенной степени индивидуальной ответственности перед собой, коллективом, страной [14]. Воспоминания о производственной повседневности часто содержат «обработку негативных событий в позитивные», связанную с ретроспективным эффектом нарративной памяти. Бамовцы обращаются к темам мужества, выносливости, благодаря которым они

²² «Это страна русских, и это их революция» 16 мыслей о России американского рабочего Джона Скотта: 1932–1942 годы. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3066007?ysclid=murzno93240431359>

²³ Берберова Е. Лев в советской квартире. Московский комсомолец. 2000. 15 мая. С. 8–9.; Лев на поводке: как слава Берберовых обернулась трагедией. Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/06/13/1116386-lev-na-povodke>

²⁴ Там же.

смогли принять участие в «проекте всей жизни» для страны, почувствовать свою необходимость, найти свою коллективную идентичность [14]. Этот феномен характерен для всех советских мегапроектов: участники стройки вспоминают не идеологические лозунги, а конкретные человеческие отношения, моменты взаимопомощи, личные достижения.

Аналогичную картину мы видим в истории Магнитки. Как пишет Джон Скотт, американский рабочий, участник строительства, «самое удивительное на Магнитке было не в том, что строился гигантский завод, а в том, что люди, приехавшие с разных концов страны, разных национальностей и разного социального происхождения, смогли создать нечто общее» [17]. Это «общее» и было инженерным атеизмом — методом, который преодолевал идеологические, национальные и социальные барьеры. Однако идеология постоянно пыталась присвоить этот метод, объявить его своим детищем, поставить на службу партийным задачам.

Это противоречие особенно ярко проявилось в судьбе многих инженеров и ученых, которые были репрессированы именно за то, что их метод расходился с идеологией. С.Я. Жук, разработавший проект Беломорканала, был осужденным. И.П. Бардин, создатель Магнитки, неоднократно подвергался партийной критике. Строители БАМа, несмотря на официальную поддержку, постоянно сталкивались с бюрократическими препятствиями. Инженерный атеизм был сильнее идеологии — но за это приходилось платить. Как справедливо замечал историк и религиовед, автор фундаментальных исследований о русских ересьях и сектантстве А.И. Клибанов, «парадокс советской индустриализации в том, что она была осуществлена людьми, которые часто находились в оппозиции к идеологии, но именно благодаря этому они могли творить» [20, 21].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Инженерный атеизм в советских мегапроектах и бытовых экспериментах стал мостом к экзистенциализму. Когда «Бог умер» в смысле официальной идеологии, человек, взявший на себя ответственность за все, столкнулся с невыносимой тяжестью этой свободы. Советский человек на стройке века, как и его предшественники Прометей и Фауст, пытался выдержать этот груз. Он создавал чудеса: орошение пустыни, проход сквозь скалы, города в тайге, ручного льва в городской квартире. Беломорканал, БАМ, Каракумский канал, Магнитка, история семьи Берберовых — эти великие и малые свершения стали свидетельством того, что метод может одержать

верх над догмой. Советский человек, руководствуясь инженерным атеизмом, создал мир, который не могла создать верующая Россия. В этом и заключается главный парадокс советского проекта. И в этом — его главный урок для нас сегодня: безграничная вера в человеческие возможности, подкрепленная методом, способна творить чудеса, открывая новые горизонты для развития.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Во-первых, советский атеизм не был монолитным явлением. Он включал два принципиально различных феномена: идеологический атеизм-квазирелигию, выполнявший все функции религии (катехизис, институт наставников, сакральные тексты, эсхатологическое обетование), и инженерный атеизм-метод — радикальный эпистемологический подход, основанный на эксперименте, риске и ответственности человека за творение нового мира. Это различие имеет принципиальное значение для понимания природы советской индустриализации и ее движущих сил.

Во-вторых, движущей силой советских мегапроектов — Беломорканала, БАМа, Каракумского канала, Магнитки — был именно инженерный атеизм-метод, а не идеологическая доктрина. Это подтверждается тем, что все эти проекты были осуществлены вопреки объективным трудностям, часто с нарушением плановых сроков и норм, но благодаря смелым инженерным решениям и энтузиазму строителей. В каждом из этих случаев инженеры, строители и организаторы находили нестандартные решения там, где официальная наука и идеология предлагали только готовые догмы.

В-третьих, феномен «бытового атеизма» на примере семьи Берберовых показывает, что инженерный подход к преобразованию природы проникал не только в промышленность, но и в повседневную жизнь советских людей, превращая быт в лабораторию, а человека — в творца новых реальностей. Этот случай демонстрирует, что инженерный атеизм был не просто профессиональной установкой, а мировоззренческим принципом, пронизывавшим все сферы жизни.

В-четвертых, противоречие между методом и идеологией имело фундаментальное значение для советского проекта: метод требовал риска и выходил за рамки догмы, идеология требовала предсказуемости и соответствия плану. Трагедия заключалась в том, что идеология пыталась присвоить себе плоды метода, превращая живые дерзания инженеров в новые догмы. Это противоречие сделало советские мегапро-

екты одновременно триумфом инженерной мысли и символом чудовищного господства идеологии над человеком.

Таким образом, гипотеза исследования подтверждается: инженерный атеизм-метод, а не идеологический атеизм-квазирелигия, был подлинной движущей силой советской индустриализации. Советские мегапроекты и бытовые эксперименты лежат на болезненном разрыве между догмой и методом, и их изучение представляет собой проверку на прочность не только прошлого, но и нас самих.

Перспективы дальнейших исследований связаны с распространением предложенной концептуальной

модели на анализ современных инфраструктурных проектов, их движущих сил и возможных рисков, связанных с подчинением метода идеологическим задачам. Актуальность такого анализа подтверждается современными дискуссиями о мегапроектах в России и мире, где вопрос о соотношении технологического оптимизма и институциональных ограничений остается открытым. Кроме того, предложенная операционализация двух типов атеизма может быть применена к анализу других исторических периодов и культурных контекстов, где идеологическое и деятельное начала вступают в противоречие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кауфман В. Ницше: философ, психолог, антихристианин. Москва: URSS; 2001. 655 с.
2. История античной эстетики. Ранний эллинизм. Изобразительные искусства. Москва: АСТ; 2000. 960 с.
3. Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Ницше. Сочинения в 2 т. Т. 1. Москва: Наука; 1993:150–210.
4. Шахнович М.М. Концепт «научный атеизм»: история его конструирования и введения в философию и политическую практику (1954–1964). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2022;38(3):436–448. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.314>
5. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Пер. с фр. Москва: Изд. дом Дело: РАНХиГС; 2018. 732 с.
6. Левада Ю.А., ред. Советский простой человек. Опыт социал. портр. на рубеже 90-х. Москва: Мировой океан; 1993. 299 с.
7. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Москва: АСТ; 2018. 256 с.
8. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. Москва: Эксмо; 2021. 352 с.
9. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. Москва: ЦентрКом; 1996 560 с.
10. Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 — начало 1980-х гг.). Москва: РОССПЭН; 2010. 380 с.
11. Комаровский А.Н. Записки строителя. Москва: Воениздат; 1972. 264 с.
12. Бородин Л.И. Гулаг: экономика принудительного труда. Москва: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина; 2008. 318 с.
13. Снегур А.Е. Золотая стыковка: хроника последних перегонов БАМа (1933–2008). Чита: Экспресс-издательство; 2009. 189 с.
14. Байкалов Н.С. «Заповедник советской власти»: производственная повседневность в нарративной памяти строителей БАМа. *Вестник Томского государственного университета*. 2020;453: 124–134. URL: <https://doi.org/10.17223/15617793/453/15>
15. Трифионов Ю. Утоление жажды. Москва: Издательство «Художественная литература», 1967. 384 с.
16. К.Ф. Ефремов, Б.Т. Кирста, Б.С. Сапаров и др. Каракумский канал и изменение природной среды в зоне его влияния. Отв. ред. д. г. н. Н.Т. Кузнецов. Москва: Наука; 1978. 232 с.
17. Скотт Дж. За Уралом: Американский рабочий в русском городе стали. Москва: Родина; 2023. 416 р.
18. Макарова Н.Н. В котле индустриализации: повседневная жизнь Магнитогорска (1929–1941). Магнитогорск: Дом печати; 2014. 432 с. URL: <https://elibrary.ru/swwitf>
19. Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей: советская повседневность: контуры, символы, знаки. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин; 2006. 442 с. URL: <https://elibrary.ru/qsjnxz>
20. Антонов К.М. Идеология, методология и этика советского религиоведения: из научной биографии А.И. Клибанова. *Религиоведческие исследования*. 2022;1(25):91–119. URL: <https://doi.org/10.23761/rrs2022-25.91-119>
21. Клибанов А. Кровь событий: Письма к жене. 1932–1954. Москва: Новое литературное обозрение; 2024.

REFERENCES

1. Kaufman V. Nietzsche: Philosopher, psychologist, anti-Christian. Moscow: URSS; 2001. 655 p. (In Russ.).
2. The history of ancient aesthetics. Early Hellenism. Fine arts. Moscow: AST; 2000. 960 p. (In Russ.).

3. Shestov L. Goodness in the teaching of Gr. Tolstoy and Nietzsche. Essays in 2 volumes Vol. 1. Moscow: Nauka; 1993:150-210. (In Russ.).
4. Shakhnovich M.M. The concept of “scientific atheism”: The history of its construction and introduction to philosophy and political practice (1954–1964). *Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and conflictology*. 2022;38(3):436–448. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.314>
5. Durkheim E. Elementary forms of religious life. Translated from French. Moscow: Publishing House of Business: RANHiGS; 2018. 732 p. (In Russ.).
6. Levada Yu.A., ed. The Soviet common man has a social experience. portr. at the turn of the 90s. Moscow: World Ocean; 1993. 299 p. (In Russ.).
7. Berdyaev N.A. The origins and meaning of Russian communism. Moscow: AST; 2018. 256 p. (In Russ.).
8. Zinoviev A.A. Communism as reality. Moscow: Eksmo; 2021. 352 p. (In Russ.).
9. Arendt H. The origins of totalitarianism. Moscow: Centercom; 1996 560 p.
10. Kozlov V.A. Mass riots in the USSR under Khrushchev and Brezhnev (1953 — early 1980s). Moscow: ROSSPEN; 2010. 380 p. (In Russ.).
11. Komarovskiy A.N. Notes of a builder. Moscow: Voenizdat; 1972. 264 p. (In Russ.).
12. Borodkin L.I. Gulag: Economics of forced labor. Moscow: ROSSPEN; Foundation of the First President of Russia B.N. Yeltsin; 2008. 318 p. (In Russ.).
13. Snegur A.E. The Golden docking: A chronicle of the last crossings of BAM (1933–2008). Chita: Express Publishing House; 2009. 189 p. (In Russ.).
14. Baykalov N.S. “The Reserve of Soviet power”: Everyday life in the narrative memory of the builders of BAM. *Bulletin of Tomsk State University*. 2020;453: 124–134. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.17223/15617793/453/15>
15. Trifonov Yu. Thirst quenching. Moscow: Publishing house “Fiction”; 1967. 384 p. (In Russ.).
16. K.F. Efremov, B.T. Kirsta, B.S. Saparov, et. all. The Karakum Canal and changes in the natural environment in the zone of its influence. Ed. by Dr. Sci. of Geographical N.T. Kuznetsov. Moscow: Nauka Publ.; 1978. 232 p. (In Russ.).
17. Scott J. Beyond the Urals: An American worker in the Russian city of Steel. Moscow: Rodina; 2023. 416 p. (In Russ.).
18. Makarova N.N. In the cauldron of industrialization: The daily life of Magnitogorsk (1929–1941). Magnitogorsk: House of Printing; 2014. 432 p. URL: <https://elibrary.ru/swwitf> (In Russ.).
19. Lebina N.B. Encyclopedia of platitudes: Soviet everyday life: Contours, symbols, signs. St. Petersburg: Dmitry Bulanin; 2006. 442 p. URL: <https://elibrary.ru/qsjnxz> (In Russ.).
20. Antonov K.M. Ideology, methodology and ethics of Soviet religious studies: From the scientific biography of A.I. Klibanov. *Religious Studies*. 2022;1(25):91–119. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.23761/rrs2022-25.91-119>
21. Klibanov A. The blood of events: Letters to his wife. 1932–1954. Moscow: New Literary Review; 2024. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Владимирович Сахневич — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики, Институт деловой карьеры, Москва, Российская Федерация

Sergey V. Sakhnevich — Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Head of the Department of Linguistics, Institute of Business Career, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-2068-9250>

crash68@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 02.07.2026; после рецензирования 09.08.2026; принята к публикации 22.08.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 02.07.2026; revised on 09.08.2026 and accepted for publication on 22.08.2026.

The author read and approved the final version of the manuscript.